

The book cover features a central illustration of a young man with dark, wavy hair, looking directly at the viewer with a serious expression. He is dressed in a dark green tuxedo jacket with gold trim, a white shirt, and a black bow tie. The background is a soft-focus scene of a Gothic-style building with arched windows, partially obscured by lush green foliage. The overall lighting is warm and golden, suggesting a late afternoon or early morning setting.

Роман Соловьев

Барин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Соловьев

Барин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70126006

SelfPub; 2024

Аннотация

Возвращаясь домой после заключения, Андрей Никитин попадает в свой городок, но только в середине девятнадцатого века. По стечению обстоятельств его принимают за наследника недавно умершей барыни. Андрею достается бедное поместье и долги. Он твердо решает исправить ситуацию и навести порядок в поместье, а заодно наладить бизнес...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роман Соловьев

Барин

Глава 1

Старенький «жигуленок» скрипнул и остановился возле дорожного указателя. Я сразу потянулся за бумажником, но пожилой водитель покачал головой:

– Не надо, браток. Тебе деньги самому понадобятся. Долго чалился?

– Пятерку.

Водитель протянул широкую ладонь с потертой наколкой:

– Счастливо!

Я пожал руку, вышел из машины и вдохнул свежий апрельский воздух. Какое же это счастье вернуться домой!

До Новореченска оставалось всего два километра. Полчаса неспешной ходьбы. Родителям я не сообщил, что меня отпустили на неделю раньше, да и друзьям тоже. Хотя и друзей-то осталось всего двое.

Пока я спускался с пригорка, вспоминал, как всегда мечтал покинуть Новореченск, и вернувшись из армии, вскоре перебрался в Волгоград. Не хотелось сидеть на шее у родителей. Три года трудился в строительной бригаде, а потом понял, что больших денег я никогда не увижу, если не научусь

думать головой.

Мне повезло встретить человека, который твердо вбил, что никто просто так ничего не даст, лучше всего полагаться на себя. Еще до армии я увлекался литературой по ЗОЖ, здоровому питанию, даже когда-то мечтал поступить в медицинскую академию, но эта мечта так и не осуществилась.

Из десятков прочитанных книг я понял, что в целом здоровье человека на три четверти зависит от правильного питания, а не от того, чем нас пичкают в современных супермаркетах. Что поделаться, век торгашей и барыг. С помощью химии выращивают овощи, птице и животным вкалывают гормоны, чтобы быстрее набирали вес, в конечном счете вся эта гадость попадает в организм человека.

Когда мне было двадцать семь, мы с товарищем открыли магазин здорового питания «Здравушка», натуральные продукты от местных фермеров: хлеб, сливочное масло, сыр, экологически чистые овощи и фрукты. Наши продукты стоили недешево, однако раскупались почти мгновенно. Я понял что нашел золотую жилу и через год открыл еще два магазина в разных районах города. К тому времени у меня уже имелась надежная команда, мы сотрудничали с фермерами из близлежащих поселков, я лично тщательно следил за качеством продуктов, поступающих в магазины.

Вскоре приобрел двухкомнатную квартиру в центре, почти новую «Ауди», но основные деньги крутились в бизнесе, который явно шел в гору.

Со временем я стал задумываться о достойной спутнице жизни. К сожалению, в основном мне попадались меркантильные шлюхи, которые мечтали только о деньгах и заграничных поездках. Но вскоре я познакомился с хорошей и скромной девушкой Настей, студенткой Педагогического института.

Однако белая полоса в жизни длилась недолго. В один прекрасный день в магазин пожаловал странный гость Тимур и сходу предложил продать магазин. Тимуру требовалось помещение для кафешки, место престижное, в самом центре. Предложил хорошую цену. Когда я отказался, он начал угрожать. Тогда я попросил охранника Мишу вышвырнуть нежданного гостя.

Тем же вечером я позвонил помощнику Владу и попросил разузнать про этого Тимура, очень уж дерзко он вел себя. Через час Влад навел справки. Оказалось Тимур – сын чиновника из городской администрации, он серьезно занимается торговлей и недвижимостью, а его дядя – полковник полиции, начальник Центрального отделения.

«Может не будем бодаться и уступим магазин? – предложил Влад. – За такие деньги откроем два таких магазинчика, но в отдаленном районе...»

Но я уперся и отказал. Однажды ночью кто-то разбил витрину магазина. Я сразу догадался откуда руки растут, отыскал Тимура и пообещал ему «веселую» жизнь, если он не отстанет. Я вообще по жизни ненавижу мажоров, которые под-

нялись за счет папочек.

Эта история закончилась предсказуемо. Однажды утром я ехал на работу, меня остановили гаишники и ссылаясь на введенный в городе план «Антитеррор», обыскали машину и обнаружили в багажнике пакет с кокаином. Тут же на улице нашлись понятые, подъехал следователь из управления и меня доставили в участок. Все было разыграно как по нотам. Никаких предложений мне больше никто не делал, а количества наркоты оказалось достаточно, чтобы приземлить меня на семь лет.

Влад нанял дорогого адвоката, но все равно дали пятерку. Хорошая девушка Настя написала мне единственное письмо, в котором упомянула, чтобы я навсегда забыл о ее персоне, она совсем не желает иметь дел с наркоманом и уголовником.

Через полгода я узнал, что два моих магазина сгорели, а третий, из-за которого началась вся канитель, закрыли по санитарным нормам. Чуть позже здание магазина через городскую администрацию все же перешло к Тимуру. Владу заплатили какие-то копейки, а чтобы он не бузил, прозрачно намекнули что и его найдется за что закрыть.

Все эти годы я, будто граф Монте-Кристо, разрабатывал суровый план мести. Но все сложилось иначе. За полгода до моего освобождения Тимур скончался в больнице от передоза, я еще тогда подозревал что он наркоман. Его дрожайший папочка с треском слетел с должности, а дядю-полковника

зарезали в подъезде. Наверняка устранили, чтобы случайно не развязал язык, а может просто отомстил отсидевший зек, вроде меня...

И вот теперь я на свободе. Ни денег, ни работы, ни семьи. Только пожилые родители в маленьком городке, пару друзей, но зато и полное отсутствие врагов, что тоже немаловажно. Что же, пора начинать жизнь с белого листа. Тридцать пять лет как раз самый подходящий возраст...

Я почти добрался до первых домиков Новореченска. Ничего не изменилось за эти годы. Разбитые серые дороги, в стороне чернели трубы кирпичного завода, который закрыли еще в конце девяностых.

Впереди, на площади, блестел фасад нового супермаркета.

На обочине тормознула синяя «Шкода». Из машины бойко выпрыгнул увалень в спортивной куртке.

– Андрюха!

Я с трудом узнал одноклассника Костю. Ну и репу он отъел, куртка чуть не трещала по швам на полном рыхлом теле.

– Садись, подвезу.

– Спасибо, Костян. Хочу пройтись по родному городу, пять лет здесь не был. Как там наши?

– Почти все уехали... – пожал плечами одноклассник. – Из класса в Новореченске всего четверо осталось. Кстати, Консервный завод в прошлом году открылся. Я замдиректора...

– А то смотрю, где же ты такую репу наел... в школе же

был худой как спичка.

Одноклассник расплылся в улыбке и шмыгнул носом:

– Если надумаешь, приходи. Найдем для тебя место.

– У меня же судимость.

– Ерунда. Главное, чтобы трудился... с кадрами сейчас туго, – одноклассник посмотрел на часы. – Ладно, Андрюха, поскочу я, через час встреча с заказчиками... Вечерком обязательно загляну.

Как только одноклассник уехал, я обернулся и увидел необычную картину. Такое можно увидеть только в российской глубинке. По грунтовке семенила пегая лошадка, несущая гремющую повозку.

Я даже остановился. Не знаю почему, с детства люблю лошадей, этих милых неутомимых тружениц с роскошными гривами и грустными глазами. Когда повозка приблизилась, из вороха сена показалось тело. Я рассмотрел невзрачного мужичка в засаленной фуфайке. Он неожиданно вскинул кнут и изо всех сил саданул лошадку по крупу:

– А ну, пшла зараза!

Лошадка вздрогнула и понеслась быстрее.

– Эй, дядя! – остановился я.

Терпеть не могу, когда быют незащитных животных. Извозчик наверняка пьян в стельку.

Мужик натянул вожжи и направил лошадь прямо на меня. Я даже не успел отскочить и тут же почувствовал сильный удар в грудь, в глазах мгновенно потемнело и я потерял

сознание.

... Когда я очнулся, надо мной склонился широколицый мужик с неряшливой бородой.

– Живой?

Я вздохнул и ощутил боль в груди. Голова слегка кружилась. Я лежал на полу, на толстом овчинном полушубке. В комнате воняло гарью.

– Тебя Ванька Кочубей сбил, придурь из соседнего хутора.

– Дебил... – вздохнул я.

– Ты к кому шел-то?

Я пригляделся к мужику. Здоровый. Прямо богатырь Илья Муромец, одна борода чего стоит. Я конечно слышал, что у нас опять мода бороды носить, но лично меня разводить растительность на лице и за миллион не заставишь...

– К кому шел? Домой я шел...

– Никак не признаю я тебя... В Новореченском полсотни дворов, вроде всех знаю. И одежда у тебя чудная...

Я только сейчас заметил что на мужике просторная рубаха и широкие штаны, подвязанные обычной бечевкой. Он протянул здоровенную ладонь:

– Макар Игнатов, мельник.

– Андрей Никитин.

Мужик сразу изменился в лице.

– Никитин... Барин?!

Он немного отступил и поклонился.

– Простите меня, невежду... не признал я вас...

– Макар, хватит комедию ломать. Какой я тебе барин?

– Столько лет прошло, вовсе вас не узнал... Вы же уехали совсем юнцом безусым, а теперь вон как возмужали. Тетушку вашу, Екатерину Семеновну, жалко очень... золотой была человек. Во всей губернии такой больше не найти. За своих холопов гранитной горой стояла...

Матвей помог мне приподняться и усадил за стол.

Мебель у мужика странная. Стол, грубо сколоченный из досок, такие же табуретки и почти на треть комнаты – большая беленая печь. Похоже печь и являлась источником гари.

– Барин, у меня по случаю сливовочка имеется. Вы как, уважаете?

– Давай, – махнул я рукой.

Матвей достал большую бутыл с желтоватой жидкостью, на столе развернул вощеную бумагу с нарезанным салом и двумя горбушками черного хлеба, придвинул две чищенные луковицы и налил пол кружки сливовки. Я выпил и дыхание тут же сперло. Глаза полезли на лоб. Я едва удержал в себе огненную сливовку, выдохнул и закусил ароматным салцом.

Матвей тоже выпил и откусил сразу половину луковицы, будто яблоко.

– Вот я и говорю, за своих крепостных ваша тетушка грудью стояла. К примеру, прошлой осенью приехали в Новореченское рекрутов набирать, может слышали, опять с туретщиной война назревает? Так вот Екатерина Семеновна тогда

собрала людей и предложила кто желает – может идти в солдаты, а самолично никого не отдаст. Только двое добровольцев вызвалось. Левка, сын кузнеца и Никола-душегуб... Да что говорить, село наше будто крепость. Когда ваша тетка Богу душу отдала – три дня бабий вой по всей округе стоял...

Меня точно с кем-то путают. Нет у меня тетки в Новореченске. Есть единственная тетя Аня, младшая сестра отца, но она в Курске живет, ей еще и пятидесяти нет...

– Еще, барин? – с надеждой спросил Матвей и кивнул на бутылку.

– Нет, хватит. Уж больно крепкая у тебя сливовка...

Я почувствовал что горячительный напиток даже немного помог. Грудь почти перестала болеть. Наверняка лошадка едва задела меня, при прямом столкновении я вряд ли сейчас сидел за столом.

– Вот скажи, барин, чему ты научился в своем Петербурге? Какой науке?

– Да я нигде не учился. Только среднюю школу окончил. А в Питере всего один раз был, еще в девятом классе с экскурсией...

– Не понимаю... а где же вы столько лет пропадали?

Нужно валить из этого дома. У мужика, похоже, сдвиг по фазе. Чуть несет, да еще барином меня обзывает.

– Ладно, спасибо за угощение. Пойду я.

Матвей резко приподнялся;

– Пойдемте. Доставлю вас в имение в целности и сохран-

ности.

Мы вышли из избы и тут я обомлел...

Город исчез, будто растворился в утренней дымке. Я стоял на краю небольшой деревушки с бревенчатыми домиками и плетнями вместо заборов. По широкой улице с гоготом важно шагали горластые гуси, вытянув длинные шеи. Мимо прошмыгнула темноглазая полноватая женщина в длинном платье, с платком на голове. Она чуть заметно улыбнулась. За домами шумели высокие тополя.

– Барин! – окликнул Матвей и показал на небольшую повозку с черным, как крыло ворона, конем.

– Где мы?

– В Новореченском... – удивился Матвей и помог мне сесть в повозку. Боль в груди все же ощущалась. Я осторожно расстегнул рубашку и обнаружил огромный синяк.

– Вот скажи, барин, какие там бабы в столице? Наверно сладенькие, корсеты носят, чулочки, рейтузы... духи там французские... Многих оприходовал?

Я молчал, потому что был в ступоре. Что происходит?

Мы медленно ехали по селу, а я недоуменно озирался. Похоже на декорации к фильмам девятнадцатого века. Может здесь и вправду кино снимают?

Старик в картузе семеня по улице, неуклюже шаркая ногами. Он остановился и окликнул Матвея:

– Далече?

– Барин вернулся! – гордо ответил Матвей, кивнув на ме-

ня.

Старик тут же услужливо снял картуз и слегка поклонился.

Все это напоминало странный сон. Когда проехали село и поднялись на небольшой лысый холм, я вздрогнул от неожиданности. На берегу реки стоял двухэтажный особняк из красного кирпича, так знакомый еще с детства. В этом старом, давно заброшенном доме, мы еще мальцами играли в «войнушку», сбегав с уроков. А когда рухнула крыша особняка, взрослые настрого запретили туда подходить, пугая привидениями. Дом окончательно разобрали уже в середине нулевых. Строители говорили, если бы отремонтировали кровлю – особняк точно еще лет сто простоял, но живописный участок у реки понадобился важному чинуше из города...

Сейчас особняк выглядел обжитым. Во дворе виднелись еще несколько небольших каменных и деревянных построек, а двор обнесен высоким зеленым частоколом. На берегу обваловка из огромных камней, небольшая деревянная пристань и лодочка.

Повозка остановилась у калитки и тут же протяжно залаял пес.

– Свои, Мордан! – усмехнулся Матвей и обернулся. – Вот и приехали, барин...

Из калитки медленно, слегка прихрамывая, вышла старуха лет семидесяти, в толстой вязанной жилетке и юбке до

земли. Она прищурилась, глядя на меня и медленно растянула краешек века пальцем. Так обычно делают очень близорукие люди.

— Что, не признала, тетка Ефросинья? — заливисто рассмеялся Матвей. — Хозяин вернулся!

Я спрыгнул с повозки.

Старуха покачала головой, что-то пробормотала и вернулась во двор.

— Совсем у бабки крыша поехала, — усмехнулся Матвей.

Из калитки выскочил седой краснощекий мужик в черном картузе, а следом огромный бородатый амбал. Такой здоровенный, что я, сам не ожидая, слегка попятился назад.

— Прохор Петрович, не признали? — улыбнулся Матвей. — Батюшка наш, Андрей Никитин из Петербурга вернулся.

— Господи праведный... — седой тут же снял картуз и слегка поклонился, приложив правую ладонь к груди.

Великан сначала застыл как истукан, но тут же поклонился до самой земли.

— Батюшка, а мы вас только к Троице ждали... — пробормотал седой и прослезился. Он толкнул здоровяка локтем в живот. — Что стоишь, оглобля, беги к Аглашке, пусть стол накрывает...

Великан развернулся и поспешил к серой постройке.

— Прохор Петрович, — пролепетал Матвей. — С барином по дороге беда приключилась. Ванька Кочубей его на лошади зацепил. Надобно фельдшеру осмотреть.

– Вот разбойничья душа! А фельдшер как раз у нас, кофию кушает...

Седой бросил Матвею монетку, которую мельник ловко поймал. Матвей кивнул мне и тут же запрыгнул на козлы. Встряхнул вожжами и повозка понеслась обратно в село. Прохор осторожно взял меня под руку и завел во двор. Огромный лохматый пес покосился и тут же полез в будку. Посреди двора стояла деревянная беседка, увитая диким виноградом. К особняку вела широкая дорожка из брусчатого камня, вдоль забора раскинулись кусты смородины и шиповника.

Мы вошли в особняк и очутились в просторном полутемном холле. Из комнаты осторожно выглянул низенький толстячок в круглых очках. Он почесал лоб, и наконец, показался во всей красе. Совсем небольшого росточка, весь кругленький, даже щеки такие, будто бы он их постоянно надует.

– Митрич, барин из столицы вернулся! – радостно сообщил Прохор.

Толстячок застыл и тут же растянул губы-сардельки в улыбке. Он слегка пошатывался, и я сразу догадался, что фельдшер пьян. Да и от Прохора тоже несло перегаром.

– Осмотреть барина нужно, лошадь на дороге чуть не зашибла... опять этот дурак Кочубей...

Толстячок тут же сосредоточился и будто мгновенно протрезвел. Он завел меня в небольшую комнату и показал на

диванчик:

– Ложитесь, Андрей Иванович.

– Я... Андрей Сергеевич...

Фельдшер приоткрыл плотные шторы, в комнате сразу стало намного светлее.

– Где у вас болит?

– В груди... и голова немного кружится.

Я прилег на диванчик и расстегнул рубашку. Фельдшер тревожно покачал головой, слегка надавил на грудь.

– Юшка была из носа?

– Что?

– Кровь текла?

– Нет вроде. Меня как ударила лошадь, я сразу сознание потерял. Очнулся уже в доме Матвея.

– Не больно, когда я давяю вот так?

– Нет. Только голова еще сильнее разболелась.

– Перелома ребер нет. Только сильный ушиб. И наверняка сотрясение мозга ... – он внимательно заглянул в мои зрачки и выглянул в коридор:

– Аглашка, воды! И мой саквояж!

Через минуту в комнату вошла худенькая большеглазая девушка с кружкой и саквояжем. Фельдшер вытащил из саквояжа небольшой пакетик с порошком и размешал в кружке.

– Выпейте. И поспите немного, должно помочь. А если после сна голова так и будет болеть – тогда кровь пустим.

Он грозно посмотрел на девушку:

– Что стоишь, дура? Неси тазик с теплой водой, да хорошенько оботри барина!

Я выпил терпкое кислотоватое содержимое. Несмотря на то, что фельдшер пьяненький, он почему-то внушал доверие.

– Мне, наверное, МРТ нужно сделать... – пробормотал я.

– Что, извините?

– Магнитно-резонансную томографию...

– Голова кружится? Провалы в памяти есть? Может галлюцинации?

– Доктор, я совершенно не понимаю куда попал...

– Завтра же напишу в участок на этого разбойника Кочубея. Давно уже по нему кандалы плачут... Надо же, какого интеллигента нам чуть не испортил... Рвать не тянет?

– Я у Матвея пол стакан сливок выпил, чуть обратно не вышло.

– А вот это, батенька, очень зря. Крепче чаю пока ничего не рекомендую. Хотя бы неделю...

В комнату вошла девушка с тазиком.

– Что так долго ходишь, дура? – набросился фельдшер. – Раздень барина до пояса. Оботри лицо, грудь... как уснет – следи, глаз не спускай...

Девушка поставила тазик на табурете возле диванчика и помогла мне снять рубашку.

– Да ладно, не тяжелораненый... – пробормотал я.

Фельдшер кивнул и вышел.

Девушка старательно промокнула тряпицу, нежно обтер-

ла мне щеки, шею и грудь.

– Тебя как зовут, красавица?

– Аглая. Из Березкина я, племянница Прохора Петровича. Барин, кто же вас так...

– Пустяки, до свадьбы заживет...

Девушка улыбнулась.

– Послушай, Аглая, а что тут вообще происходит?

Девушка насторожилась.

– А что не так-то, батюшка?

– Прямо девятнадцатый век какой-то...

– А какой же еще, барин...

Аглая нежно обтерла мои руки влажной тряпкой, а я и сам не заметил, как провалился в глубокий сон...

Глава 2

Коля Зима окликнул меня. Я вышел из гудящего швейного цеха в холодный коридор.

– Андрей, там тебя спрашивают.

– Кто спрашивает?

– По коридору до конца, крайняя дверь слева.

Я прошел мимо сидящего на стуле сержанта. Он покоился, но ни слова не сказал.

Насколько я знал, в дальней комнате лежали поломанные ящики и картонные коробки.

Дверь оказалась слегка приоткрыта. Я вошел и увидел незнакомого седого мужика в обычном пуховике. За его спиной стоял угрюмый малый с недоброй ухмылкой. Возле двери Груздь, верзила с длинными, почти до колен ручищами из третьего отряда.

Седой усмехнулся:

– Назовись.

– Андрей Никитин. Второй отряд. Статья двести двадцать восьмая. Пять лет. А кто спрашивает?

– Топаз. Ты первоход?

– Да. Первый раз на зоне...

– Что для себя решил: к нам прибьешься или с мужиками?

В отряде шептались про Топаза, он из воровских авторитетов. Только до этого дня я его не видел, хотя сидел уже

почти месяц.

— С мужиками, — ответил я.

— Пятерку по полной хочешь размотать?

— Как получится. Может УДО...

— Чтобы УДО получить, нужно куму петь, ты разве не знал?

— Догадывался.

Груздь медленно заходил сзади.

— Важные люди сказали, ты на свободе берега слегка пугал. Барыжил, а на общак не отчислял. Хороших людей обидел. Просили привет тебе передать, чтобы сидел всю пятерку и не рыпался...

Сзади на меня обрушился мощный удар по затылку. Ноги предательски подкосились и я рухнул лицом прямо на картонные коробки, проваливаясь в темноту...

... Я вздрогнул и проснулся. Этот сон-воспоминание снился уже в третий раз. За окном ярко светило солнышко, весело пели птички.

Я лежал на мягкой взбитой перине в полутемной комнате. Огромный рыжий кот на комодке слегка приподнял голову, приоткрыл зеленый глаз, и тут же снова уснул.

В комнату торопливо вошла худенькая девушка в длинном платье и я тут же все вспомнил.

— Барин, уже проснулись? Как себя чувствуете?

Это уже переходило все границы.

— Что-то не пойму: здесь что, кино снимается? Или реа-

лити-шоу?

Я резко приподнялся. Голова уже не болела. Я чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим, только на груди еще остался большой синяк.

Я спал в штанах, а моя рубашка и ветровка аккуратно висели на плечиках.

– Барин, может вам принести чистые панталоны и халат? Тут я не выдержал:

– Что, нашли дурачка, Андрюшу Никитина, бывшего зека, и решили поиздеваться...

Девушка застыла, слегка приоткрыв рот. Мне даже стало ее немного жаль.

– Ладно, это не твоя вина. Зови режиссера вашего шоу! Девчонка всплеснула руками и убежала.

Я внимательно осмотрел комнату. Мебель раритетная. Один комод из красного дерева чего стоит. В этом-то я разбираюсь, дедушка был краснодеревщиком.

Недовольный рыжий кот спрыгнул, наверняка потревоженный шумом, и быстро выскользнул в открытую дверь

В комнате появился Прохор, слегка отекий, с красными веками. Он пытел как самовар.

– Андрей Иванович, как себя чувствуете?

– Как космонавт. Мужики, мне бы домой. Надоела эта ваша комедия.

– Митрич строго наказал следить за вами. Он с утра отъехал, в селе Голубиха рождает... Предупредил, что вы, барин,

после вчерашнего сотрясения возможно того... слегка умом тронулись. Уж не обессудьте...

Это я умом тронулся? Ничего, ни на того напали, сердечные, похоже вы сами тут все умом недалекие...

– Желаете кофию откусать? Пойдемте, Аглашка все в беседку принесет, погода сегодня изумительнейшая...

Мы вышли из особняка и направились к беседке. Денек и вправду по-летнему теплый.

Навстречу шагала широкобедрая молодая женщина с ведром воды. Она тут же поставила ведро на землю и слегка поклонилась:

– С приездом, барин!

Я вежливо кивнул, отметив что молодуха привлекательная и грудастая. Девка в самом соку.

– Прасковья, сегодня баню протопи. Барин попарится с дороги, – приказал Прохор.

– Конечно... – улыбнулась женщина. – Это мы зараз, Прохор Петрович...

Она легко подхватила ведро с водой и направилась дальше.

От Прохора снова за версту несло перегаром.

– Скажу как на духу, Андрей Иванович... изменились вы сильно. Оно и понятно, четырнадцать лет прошло. Даже тетка Ефросинья вас не сразу признала. Но я же насквозь вижу Никитинскую породу... Батюшка ваш покойный, какой строгий барин был... с ним не забалуешь. Если что – сразу

сечь. Двести душ в имении держал...

Прохор тяжело вздохнул:

– В нашем хозяйстве дела нынче в упадке. Прошлый год неурожай, крепостные сдали мало... да и ваша покойная те-тушка, Царствия ей Небесного, в последнее время много жертвовала на благотворительность, на городской лицей... Зачем-то вздумала французский учить на старость лет. К то-му же сосед, помещик Гарин ее шибко надул... Тридцать душ купил почти задарма, хорошо без вывода. Но мужички такие все работающие, толковые, да еще две девки-ткачихи... В нашем селе осталось около сотни людишек. Половина ста-рики и детки. Мужиков крепких и трех десятков не наберет-ся... В поместье две лошадки, коровка да птица... того гля-ди, придется прислугу распускать...

– Прохор, а какой нынче год?

Прохор удивленно взглянул на меня.

– Тысяча восемьсот пятьдесят второй от рождества Хри-стова.

– А ты, значит, приказчик?

– Барин, только скажите. Сдам зараз всю бухгалтерию и тут же уйду... как ваше благородие изволит...

– Ладно. Хватит уже комедию ломать. Поиграли в девят-надцатый век, пора и честь знать... где вы только столько ко-стюмов раздобыли...

Прохор слегка задумался и кивнул на беседку. Мы вошли и сели за стол.

Аглая принесла тарелки с зажаренными рябчиками, нарезанные варенные яйца, ломтики копченного мяса, горшочек квашенной капусты с грибами и графинчик.

Я внимательно рассмотрел девушку. Симпатичная, с небольшим носиком и огромными карими глазами, красивая линия губ, тонкие черные брови причудливо изогнуты. Если ее приодеть – точно княжна. Под платьем девушки так и вздымалась высокая грудь.

Приказчик нахмурился:

– Аглашка, кофию барину подай!

Когда девушка удалилась, он хитро подмигнул:

– Племяшка моя. Хорошая девка, справная...

Я кивнул на графин:

– Это водка?

– Особая. Из Царицына. Такой здесь не сыщешь, мужичье самодел или сивуху хлещет...

Я осмотрелся. Тишь да гладь. Нигде не видно видеокамер, автомобилей, и полное отсутствие линий ЛЭП, это меня больше всего смущало.

– Прохор, я хочу немного прогуляться по окрестности, осмотреться...

Приказчик хмыкнул:

– Андрей Иванович, вас же вчера лошадь чуть не зашибла. Подлечитесь, а завтра вместе проедем и посмотрим хозяйство. В село заглянем...

– Я вообще-то Андрей Сергеевич.

– Позвольте, но папенька ваш, брат Екатерины Семеновны, был Иваном. Это я точно помню. Фельдшер предупредил, что у вас после травмы могут быть провалы памяти. Это со временем пройдет. В родном доме и стены помогают.

Пока я поел и откушал кофию, которое оказалось вкусным и ароматным, приказчик успел откушать почти пол графина водки и сожрать две тарелки рябчиков, облизав пальцы.

– Вот скажи, Прохор, какой может быть порядок в хозяйстве, когда ты с утра хлещешь водку как слон? Да от тебя перегаром несет, как от сборища бомжей...

– Так это... праздник же у нас. Барин вернулся. Я даже Герасиму четвертинку поставил.

Он кивнул в сторону конюшни, где в кучу складывал сено великан с бородой.

– Он и вправду Герасим?– рассмеялся я.– Немой?

– Почему немой? Нормальный мужик. Только силен неимоверно. В позапрошлом году своего соседа насмерть зашиб по пьяни. Одним ударом.

– А почему не посадили?

– Екатерина Семеновна за него внесла в участок, вдовушке покойного коня отдала безвозмездно, да пятьдесят рубликов пожаловала... Работник-то он отличный, и конюх, и плотник, зачем ему на каторгу...

Я задумался:

– Послушай, так может проедемся по окрестности?

Прохор привстал и окликнул:

– Герасим, запрягай Каурку! Прокатимся нынче с барин-ном!

Приказчик сам повел двухколесную бричку. Мы спустились с холма и выехали за село. Вдоль реки тянулась полоска леса. Река Ахтуба была широкой и полноводной, вдоль берега песчаные берега с кустами и редкой порослью. На другой стороне шумел густой лес. Бричка поднялась и проехала по грунтовой дороге. Прохор показал на поля:

– Здесь на семь верст наши земли, до Гаринского села.

– До куда?

– Гарин, сосед наш. Я уже рассказывал про него. Бывший статский советник, купил поместье пять лет назад. Зверь лютый, палец в рот не клади...

Я всматривался и совершенно нигде не видел признаков цивилизации. Ни линий ЛЭП, ни асфальта, ни автомобилей. Медленно, но все же до меня начало доходить, что невероятным образом я и вправду очутился в девятнадцатом веке...

Мы подъехали к большому озеру с темной водой, заросшим камышом. Два мужика тащили бредень, в котором серебрились караси да окуни, даже два небольших рака.

Прохор нахмурился и тут же остановил бричку.

– Это Гаринские мужики. Разобраться нужно.

Крепкий широкоплечий мужик уже обулся и поспешил навстречу.

– Какого черта вы здесь делаете? – злобно прикрикнул

Прохор.

– Не серчай, Прохор Петрович. Взяли немного рыбки на ущицу...

Мужик удивленно вылупился на меня и поклонился.

– Барин, хоть ты ему скажи... – вздохнул приказчик.

– Вы это... больше не безобразничайте... – пролепетал я.

Чтоб в последний раз...

Мужик неожиданно встал на колени и наклонившись, ударился лбом в самую грязь.

– Батюшка, не серчай... хочешь – выпори меня, дурака, но только не говори нашему помещику... Если Владимир Иванович узнает – подать увеличит... а у меня четверо ртов и все младшенькие. На поденную не отпускает, рыбачить не дает... одна греча да полба... не гневайся, барин...

– Поехали! – кивнул я приказчику.

Вскоре мы добрались до широкой накатанной дороги с верстовыми столбами.

– Это куда дорога?

– Так на Царицын, – удивился Прохор. – Пятьдесят верст. А если в обратную сторону ехать – до Тимофеево, уездного города. А дальше так до самой Астрахани, дней шесть добираться...

– Здесь вокруг наши земли?

– Через две версты начинаются владения генеральши Поповой. У вдовы большой надел, почти на тридцать верст, в придачу два больших села... Поповская мельница самая

большая на весь уезд...

Приказчик задумался:

– Генеральша уже год как овдовела, между прочим, не стара и совсем недурна собой. Неплохой вариант, Андрей Иванович...

Прохор развернул бричку. Мы возвращались к селу по другой дороге.

– Земель-то у нас не так много...

– Это правда, – кивнул Прохор. – За Старой Ахтубой еще луга для выпаса, но половину ваша тетушка Гарину уступила.

– А что на западе?

– Бесплодные земли... балки и рытвины, глина...

– Красная глина?

– Мужики иногда таскают на саман... уж этого добра здесь навалом.

Я задумался. А ведь они даже не знают, какое богатство лежит под ногами. Нужно только все тщательно распланировать и сделать красиво.

– Похоже вы с тетушкой дела неважно вели...

Приказчик остановил бричку почти на краю села.

Я грустно смотрел на покосившиеся домишки и грязных ребятишек возле качелей. Они вылупились на меня, будто на заморскую диковинку, но приближаться боялись.

– Хозяйство и вправду в долгах... – признался Прохор. – В прошлом году Гарин купил крепостных, а в этом году хочет

еще часть лугов захрапастать... он уже предварительно договаривался с вашей покойной тетушкой. Барин, у вас есть только один надежный вариант, найти богатую вдовушку и жениться, чтобы объединить хозяйства и вылезти из долгов...

– Прохор, мы расплатимся с долгами и поднимем хозяйство. Попомни мое слово.

К нам быстро подошел высокий жилистый мужик лет сорока.

Увидев меня, он поклонился.

– Здравствуйте, барин.

– Это Платон Щукин, староста Новореченского... – сказал приказчик.

– Рад видеть вас, барин, в здравии и прекрасном расположении духа... – староста покашлял в кулак.

– Говори что хотел, – строго спросил приказчик.

– Вы бы пособили... – староста показал на покосившиеся избы. – Нам бы гвоздей с пуд, домишки поправить, да доски хотя бы повозку...

– Подумаем, – кивнул я. – Все что нужно – пишите и передавайте в поместье.

Староста даже слегка приоткрыл рот от удивления.

– И вот что еще, барин... Кузьма Жидков кровлю чинил, упал с крыши и ногу сломал... на пахотную не выйдет, фельдшер сказал месяца полтора пролежит.

– Вот бездельник! – рявкнул приказчик. – Андрей Ивано-

вич, надо Жидкову подать увеличить в этом году.

– Так человек и так пострадал...– удивился я.– Много у него ртов?

– Трое,– пожал плечами староста.– Можно было бы, конечно, и его жинку выгнать на пахотную, но она хилая, как бы ноги не протянула...

– Решим вопрос,– кивнул я.– Прохор, обеспечьте Кузьму Жидкова всем необходимым, пока он болеет...

Когда мы отъехали от села, приказчик недовольно пробурчал:

– Зря вы так с мужиками, Андрей Иванович... Нельзя их распускать...

– Послушай, дружище. Они тоже люди. Если человек сейчас не может работать и обеспечивать семью – обеспечьте крупой, мясом, мукой... возьмите из наших запасов.

– Сегодня один упал с крыши, завтра другой... всех не накормишь...

– Прохор, поменьше водку жри, скоро займемся настоящим делом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.